

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Д.Н. СУЛЕЙМАНОВА
(Казань)

ЭТНИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТРАДИЦИОННОГО ТАТАРСКОГО ИНТЕРЬЕРА: ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Традиционный татарский интерьер еще не был предметом специального научного исследования. Этнографами, среди которых надо отметить Н.И. Воробьева, Ю.Г. Мухаметшина, Р.Г. Мухамедову [Воробьев 1953; Мухаметшин 1977; Мухамедова 1972] были собраны обширные материалы по традиционному жилищу отдельных групп волго-уральских татар, в том числе и по его внутреннему убранству. Рассмотрение интерьера в их трудах в основном сводилось к описанию и выявлению отличительных этнографических особенностей.

Художественные особенности татарского интерьера затрагивались в работах искусствоведа Ф.Х. Валеева, который впервые проанализировал его как пространственно-художественный ансамбль [Валеев 1984]. Комплексные исследования интерьера на материалах внутреннего убранства башкирского жилища, имеющего значительное сходство с татарским, были проделаны в трудах С.Н. Шитовой, А.Г. Янбухтиной [Шитова 1984; Янбухтина 1993]. Семантика традиционного жилища стала предметом рассмотрения в работах А.К. Байбурина применительно к жилищу восточных славян [Байбурин 1983]. Надо отметить, что в исследованиях по традиционному татарскому жилищу семантического анализа еще не проводилось. В данной статье предпринята попытка комплекс-

ного рассмотрения интерьера татарского дома с акцентом на раскрытие его этнического своеобразия. Исследование основывается на архивных материалах¹ и опубликованных источниках.

На протяжении столетий основным типом жилища татарского крестьянства Среднего Поволжья и Приуралья была четырехстенная срубная изба с легкими сенями (четырёхстенник). Создание интерьера такого дома подчинялось веками выработанной традиционной модели, которая оставляла мало возможностей для воплощения индивидуальных вкусов и предпочтений. С одной стороны, традиционный интерьер характеризовался устойчивыми компонентами, которые определяли его этническую специфику на протяжении всего XVIII, XIX и первой четверти XX века, с другой — он не мог не изменяться под влиянием новых социально-экономических условий.

Предметом нашего рассмотрения стал традиционный тип интерьера, сложившийся в рамках четырехстенного срубного дома казанских татар² и бытовавший на протяжении XVIII — начала XX века. Интерьер дома — это функционально, эстетически и символически организованное пространство внутри жилого дома, образуемое ограждающими поверхностями, мебелью, предметами обстановки, оборудованием, домашней утварью и т.д. [Кильпе 1989, 34]. Традиционный интерьер как этнографический объект отражает преемственность традиций народной культуры, особенности религиозного мировоззрения.

¹ Архив отдела этнографии Института истории Академии наук Республики Татарстан.

² Основная и наиболее многочисленная этнографическая группа в составе этнической общности волго-уральских татар; интерьер других групп волго-уральских татар (мишарей, крышен) имел свои особенности, которые нуждаются в специальном исследовании.

Внутренняя планировка и функциональное зонирование жилого помещения в традиционном жилище осуществлялось относительно хлебопекарной печи — самого крупного и важного объекта в доме. Постановка и поворот устья печи определяли местоположение функциональных зон: кухонной, связанной с приготовлением пищи и хозяйственной деятельностью, и основной, жилой зоны, предназначенной для коллективного семейного пребывания и приема гостей. Кухонная часть дома являлась внутренним, частным пространством, которое старались скрыть от глаз посетителей, а гостевая часть дома — пространством внешним, репрезентативным. При этом внутренняя кухонная часть являлась одновременно женской, а внешняя гостевая — мужской. Как отмечают исследователи, связь внутреннего пространства с женским, а внешнего — с мужским является одной из культурных универсалий, подтверждаемых традиционными практиками различных народов [Байбурин 1983, 78].

Для традиционного татарского жилища была характерна следующая внутренняя планировка помещения. Печь находилась чаще всего справа от входа. Располагали ее отступая от стен, ближе к центру помещения. Устье печи было повернуто в сторону передней стены. Домотканная занавеска *чаршау* или появившаяся с середины XIX века деревянная перегородка, не доходившая до потолка, разделяла пространство жилища по линии печи на две неравные по размеру части: мужскую, парадную — *тур як* и женскую, кухонную — *почмак як*. Через проход между печью и стеной у входа можно было зайти в женскую половину дома, минуя мужскую. Характерной особенностью хлебопекарной печи у татар было наличие дополнительного, расположенного сбоку очага со встроенным котлом. Его присутствие было обусловлено спецификой татарской кухни, в которой большинство блюд готовится в котле. Следующими отличительными чертами печи было отсутствие лежанки, столь распространенной в печах русских и финно-угорских народов региона, и

наличие специального декоративного оформления в виде ниш, карнизов, рельефных украшений стенки печи, выходящей в парадную половину избы.

Дом считался жилым, если в нем присутствовала печь. В одной из татарских пословиц говорится: «*Мичсез ой — мичсез баиш*» («Дом без печи, как голова без мозга»). Печь являлась символом родовой и семейной преемственности, оберегалась как святыня. Так, у татар существовал древний обряд, когда невеста целовала печь в доме мужа или прикасалась к ней губами, тем самым приобщаясь к его роду [Мухамедова 1972, 43]. В народном сознании печь получала антропоморфные черты и чаще всего представлялась «белой» женщиной или бабушкой, что соотносилось с представлениями о привязанности женщины к домашнему очагу.

Огонь в печи символизирует мужское начало. В загадках о печи огонь (*ут*) — это мужчина, отец: «*Анасы юан — ойдэ тора, ата-сы озын — тышта йэри, кызы сылу — ашка йэри*» («Мать толстая — дома стоит, отец длинный — на улице ходит, дочь-красавица — в гости кушать ходит»). Соединение огня и печи в зажженном очаге — это соединение мужского и женского начала, что, в свою очередь,

Предметный мир традиционной культуры

Традиционная хлебопекарная печь с котлом, д. Сара-Бикүлово Лениногорского района Республики Татарстан. Фото автора, 2002 г.

является актом продолжения рода. Символически зажженный очаг у многих народов напрямую ассоциируется с семейным благополучием. В тюркской кочевой традиции затухание очага считалось плохой приметой, приносящей несчастье в дом.

Вдоль всей передней стены дома располагался широкий дощатый настил, называемый *сэке*. *Сэке* занимало значительную часть жилого пространства избы: высотой оно было 50–60 см, а шириной от 1 до 2 метров. Учитывая, что средние размеры жилого помещения крестьянского дома были 4–6 на 4–6 метров, *сэке* занимало одну треть, а иногда и половину жилого пространства дома. Оно было многофункциональным: на нем члены семьи проводили большую часть времени — ели, работали, принимали гостей, спали. Сверху на *сэке* ставили сундуки, маленькие столики для чтения и письма, складывали стопки постельных принадлежностей. *Сэке* можно считать не столько предметом обстановки, сколько элементом внутренней архитектуры дома, «приподнятой» частью пола, о чем говорит и привычная для татар поза сидения на нем — скрестив ноги, как на полу.

Сэке и печь являлись наиболее крупными объектами в жилище, относительно которых происходила организация всего внутреннего жилого пространства и размещение предметов обстановки и быта. В доме проживало свою жизнь не одно поколение людей, которые наполняли его различными вещами — мебелью, домашней утварью, предметами обихода, хозяйственным инвентарем, ритуально-религиозными предметами. Это были вещи для повседневного использования, для удовлетворения физических, культурных, эстетических потребностей, необходимые для совершения религиозных и праздничных ритуалов.

В XVIII — первой половине XIX века в татарском доме в качестве мебели использовали многофункциональные *сэке*, сундуки и полки. Сундуки, которые ставились по несколько штук вдоль стен дома, служили не только для хранения вещей. Они предназначались для сидения и являлись спальным местом для детей. Под потолком, вдоль задней, передней и боковых стен, а также перед печью устраивались дощатые полки или полки в виде одной или двух параллельных жердей — *киштэ*. На них помещали бытовые предметы, постельные

Интерьер парадной половины дома (тур як): сэке, стопка постельных принадлежностей, детская зыбка — бишек. Архитектурно-этнографический музей им. К. Насыри в с. Большие Ачасары Зеленодольского района Республики Татарстан

Интерьер парадной половины дома (тур як): сәке, буфет, стул, сундук, текстильное убранство. Арский район Республики Татарстан. Фото Н.И. Воробьева, 1920-е гг. Из фотофонда Национального музея Республики Татарстан

принадлежности, книги, развешивали текстильные украшения.

Со второй половины XIX века в традиционном татарском интерьере происходили изменения, касавшиеся, прежде всего, его функционально-предметного оснащения. В это время активно развивались кустарные промыслы и отходничество, возросла подвижность сельского населения, активизировались связи между городом и деревней. Это не могло не повлиять и на крестьянский быт и специфику интерьера. К концу XIX — началу XX века предметная среда татарского сельского дома значительно обогатилась за счет вещей, характерных для городского быта.

Предметы городской культуры входили в интерьер сельского дома избирательно. В первую очередь, обзаводились вещами не столько нужными в повседневном обиходе, сколько демонстрировавшими достаток семьи, ее статус в деревенском коллективе. При улучшении своего материального положения, крестьяне старались обзавестись вещами городского обихода, обладавшими высокой степенью престижности. Для

татар это были часы, зеркала, буфеты со стеклянными дверцами, фарфоровая посуда. Под влиянием города в татарских сельских жилищах появились столы и стулья³. Их располагали в парадной половине дома, обычно в простенках между окнами. В татарском быту традиционным местом приема пищи и сбора гостей являлись сәке или пол. Поэтому стол в татарском доме использовался не по прямому назначению, а для размещения красивой посуды и самовара. Покрытый вышитой скатертью и салфетками, стол служил дополнительным декоративным элементом интерьера. Стулья использовались для сидения не за столом, а за сәке.

Особую популярность в это время приобретают буфеты и шкафы для посуды. Буфеты стандартного образца, характерные для всей Европейской части России, изготавливались как мебельны-

³ Надо отметить, что в интерьере сельского жилища татар-мишарей и татар-кряшен эти предметы обстановки были широко распространены в результате тесного общения с соседними народами, в особенности русскими.

Шамайль. Из фонда отдела этнографии Национального музея Республики Татарстан

ми мастерскими, так и отдельными кустарями. Такой буфет представлял собой деревянный шкафчик с несколько выступающей нижней частью и деревянными двустворчатыми дверками; верхняя часть состояла из ряда полок, которые закрывались деревянными дверцами, иногда со вставленным стеклом. Со второй половины XIX века такие буфеты стали неотъемлемой частью интерьера, в них выставляли красивую фарфоровую посуду и различные безделушки.

Излюбленным предметом в интерьере татарского дома, в особенности среди зажиточных крестьян, были часы. Они использовались не столько в практических, сколько в декоративных целях. «К стенным часам татары чувствуют особую слабость. В богатом доме каждая комната непременно украшена часами, а у одного такого любителя автору пришлось видеть в одной небольшой комнате двое больших часов в массивных футлярах...» [Штейнфельд 1893, 293]. Так же как часы, у татар ценились зеркала в резных деревянных рамах, которые размещались в парадной части дома, в простенках между окнами по несколько штук.

В повседневной жизни татар особое значение придавалось чаепитиям, являвшимся своеобразным ритуалом. Чай пили из фарфоровой посуды, которая у состоятельных жителей была китайского или немецкого производства. Очень широко были распространены самовары. Без чайного сервиза и самовара не обходилась ни одна татарская семья, их качество и тщательность отделки служили показателями благосостояния.

Неотъемлемой частью традиционного татарского интерьера являлись предметы

мусульманского культа. Это, в частности, *шамайли* — настенные панно, написанные маслом на стекле, в композициях которых арабская каллиграфическая роспись сур Корана сочеталась с изображениями мечетей, голубей, цветочно-растительным орнаментом. Центром производства шамайлей являлась Казань, откуда они распространялись по близлежащим деревням и местам проживания татар в Поволжье и Сибири. Шамайли, вешавшиеся на передней и боковой стенах дома, служили не только для декоративного оформления интерьера: они являлись выражением приверженности хозяев дома мусульманским обычаям. Кроме того, шамайли выполняли магически-охранную функцию, оберегая жилое пространство от злых духов. Поэтому их всегда вешали над входом, семантически «опасной» зоной.

Следующей характерной чертой традиционного татарского интерьера было присутствие особых медных или латунных сосудов — *кумганов* и широких тазов, предназначенных для религиозного омовения и простого умывания. Кумган, обладавший специфической формой, характерной для мусульманского Востока, в сочетании с домотканым полотенцем и медным тазом представлял собой яркий этнический и религиозный символ, семантически маркирующий пространство татарского дома. Другой важной этнодифференцирующей деталью интерьера были мусульманские книги на арабском и персидском языках, изящно оформленные рукописные и печатные Кораны в кожаных переплетах.

В декорировании интерьера татарского дома ведущую роль играли предметы художественного и утилитарного текстиля, войлочные и ковровые изделия, постельные принадлежности и одежда. Традиционный татарский интерьер характеризовался обилием занавесок, которые структурировали жилое пространство дома: разделяли мужскую и женскую половину, отделяли прихожую зону около входа от внутренней части дома за потолочной матицей, занавешивали *сәке* и отделяли на нем спальные места. Специфический вид текстильного украшения представляли собой узкие занавески-подзоры — *кашага*, *тур буе*, которые вешались под потолком вдоль передней и боковой стен дома, вдоль

матицы, украшали верхнюю часть печи. Они служили дополнительным декоративным элементом, своеобразным красочным бордюром, обрамляя вертикальные поверхности в доме.

Помимо занавесок, для украшения стен дома и перегородок использовались домотканые и вышитые полотенца, скатерти, молитвенные коврики — *намазлыки*, небольшие салфетки — *тасты-мал*. Изделия из текстиля вешались друг на друга по несколько штук, при этом обилие текстиля и его многослойность, которые скрывали деревянные стены дома и смягчали углы, делали убранство татарского интерьера схожим с убранством юрты. Это сходство еще более усиливалось при оформлении пола и *саке* войлочными изделиями, коврами, ватными подстилками и подушками — предметами, которые также широко применялись в оформлении юрты тюркских народов.

В декоративном ансамбле татарского интерьера важное место занимали постельные принадлежности, которых у татар, в отличие от нетюркских народов региона, всегда было много. Матрасы, простыни, подушки, одеяла укладывали высокими стопками на *саке* или сундуках, покрывая сверху расшитыми покрывалами. Своеобразную декоративную роль в интерьере выполняли дорогие одежды и шубы, которые развешивали по праздникам на стены дома и межкомнатные перегородки.

Изделия из текстиля выполняли не только декоративную и утилитарную функцию. Они наделялись охранно-магической силой и символическим содержанием. Подзору-занавеске *кашага* приписывалось свойство оберега «опасной» с мифологической точки зрения зоны — места соединения стен дома с потолком, границы между верхним миром духов и средним миром людей. Сакрализованность данной занавески проявлялась и в том, что на ней нередко вышивались арабские религиозные надписи [Воробьев 1953, 193]. *Кашага* оформляла и поперечную потолочную балку — матицу, которая представляла собой границу между внешним и внутренним пространством дома и являлась особой, семантически «напряженной» зоной. У многих народов существовали особые приемы «защиты» матицы, например у русских было принято украшать матицу особым сакрализованным орнаментом.

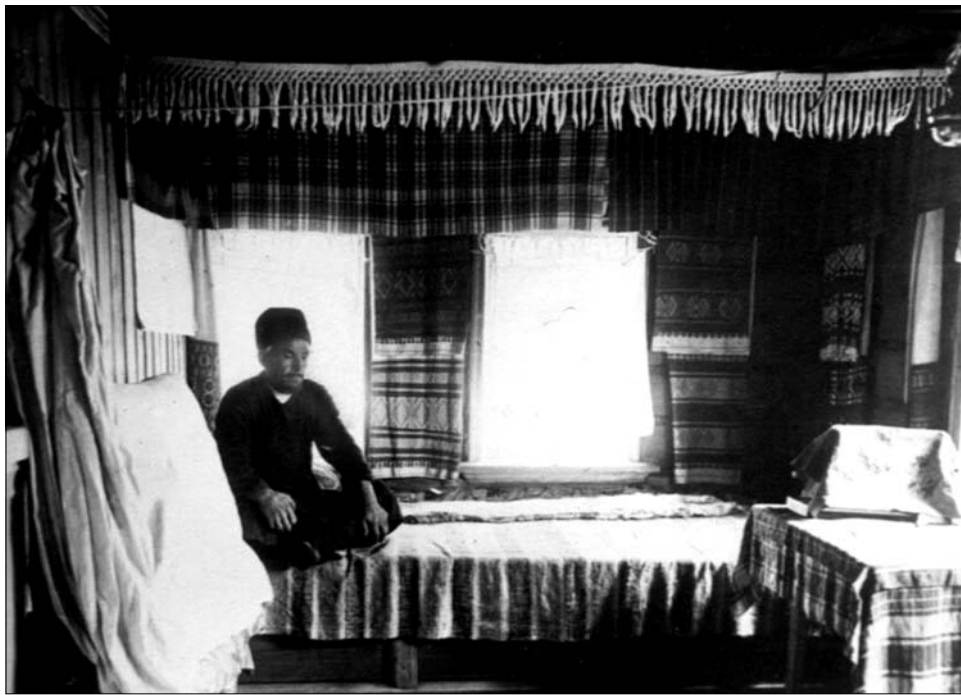
Кумган из частной коллекции

Стопка уложенных друг на друга постельных принадлежностей являлась своеобразным знаком семейного процветания. Чем больше было членов семьи, тем выше была стопка постельных принадлежностей, что являлось показателем благосостояния и здоровья семьи, символизировало продолжение и жизнестойкость родового древа. Занавеска, закрывавшая спальное место молодой пары, — *чыбылдык* — выделяла интимное пространство для молодоженов до тех пор, пока они не переселялись в собственный дом. *Чыбылдык* активно использовался в свадебном обряде татар, в частности в некоторых районах существовал обычай перевозить невесту из родительского дома в дом мужа в специальной свадебной повозке, которая покрывалась занавеской *чыбылдык* [Мухамедова 1972, 168].

Благодаря предметам из текстиля интерьер татарского дома отличался ярким колоритом, в котором доминировали насыщенные тона (красный, белый, зеленый), а также богатой орнаментикой с цветочно-растительными мотивами. Важную роль в создании художественного ансамбля играли комнатные цветы — бальзамины, герани, базилики, которых в татарском доме всегда было большое количество, а также металлические и деревянные предметы утвари — *кумганы*, тазы, детские колыбельки, ткацкие станки и др.

Выделение мужской и женской зон в доме было характерно для многих народов, в татарском доме это разделение выражалось планировочно — мужская и женская части изолировались друг от друга с помощью занавески или деревянной перегородки. Сакральным и социальным центром татарского дома

Интерьер парадной половины дома (тур як): сәке, стол, текстильное убранство. Арский район Республики Татарстан. Фото Н.И. Воробьева, 1920-е гг. Из фотофонда Национального музея Республики Татарстан

являлось место у передней стены напротив входа — *тур*. Выделение почетной зоны напротив входа у передней стены свойственно жилищам многих тюркских народов. Само слово *тур* происходит от древнетюркского глагола *торумек/тору*, что означает «закон», «положение», регулирующее взаимоотношения племен, родов и отдельных людей [Толеубаев 2000, 167]. В отличие от «красного угла» восточных славян, *тур* в тюркском жилище не наделялся религиозной символикой, в нем не помещали предметов культа. Семантическая нагрузка *тур* в большей степени являлась социальной. Почетное место *тур* занимал человек, наиболее авторитетный и почитаемый в деревенском коллективе. У татар это был мулла.

Наименее почетной зоной, предназначенной для младших членов семьи и детей, считался вход и пространство вокруг него — *ишек төбе*. Эта зона была особо «опасной» и охранялась с помощью различных оберегов. Границей между пространством перед входом и внутренней частью дома служила матица. Матица, будучи основанием всей верхней конструкции жилища, играла

роль символической границы между внутренней и внешней (около входа) частью дома [Байбурин 1983, 145]. Как уже было отмечено, татары оформляли матицу занавеской-подзором — *кашага маты* — или вешали на крючки вдоль матицы маленькие полотенца⁴.

При рассмотрении функционирования жилого пространства татарского дома разграничиваются два различных времени — гостевое и повседневное. В гостевое время происходила актуализация семантических свойств пространства, в частности строго соблюдалось разделение на пространственные зоны по гендерному принципу и по социальной иерархии. Это отразилось в ритуале расаживания гостей во время праздничной трапезы — *табын*. Табын делился на верхний — *югары табын* на *сәке*, и нижний — *тубән табын* на полу [Татары 1967, 175]. На *югары табын* сажали наиболее почтенных гостей — людей старшего возраста, гостей, приехавших из другой деревни или из города.

⁴ В особенности это было характерно для татар-кряшен.

У середины передней стены — в *тур*, возвышаясь на тюфяках и подушках, восседал мулла. По обе стороны от него по степени почетности рассаживались остальные гости. Менее почетным считался *тубән табын* на полу, где рассаживались более молодые жители деревни и члены семьи. Здесь же располагался хозяин дома, занимая место на полу ближе к двери, откуда и распоряжался угощением. В женском застолье, которое проходило отдельно от мужского, в женской части дома, воспроизводился такой же порядок. Здесь распоряжалась хозяйка дома или старшая сноха, а на *тур* (место у передней стены) сажали жену муллы. Рассаживание гостей в табыне, а особенно распределение их по двум табынам, требовало большого умения и такта от хозяина. Надо было посадить рядом людей приблизительно одного имущественного положения или возраста, по возможности находящихся в добрых отношениях друг с другом, иначе можно было нанести серьезную обиду [Татары 1967, 175].

В повседневное время разделение между мужской и женской частями жилого пространства не было строгим. В отсутствии посторонних мужчин женщина свободно передвигалась по всему дому, занималась делами как в женской, так и в мужской половине дома. При повседневном сборе членов семьи (например для трапезы) социальная иерархия менялась с общинной на семейную — почетное место *тур* занимал глава семьи, около него по степени почетности рассаживались старшие сыновья.

Говоря об организации внутреннего пространства татарского дома, необходимо отметить, что она имеет параллели со структурой пространства тюркской юрты. Также как и в татарском традиционном жилище, в юрте выделялось специальное почетное место *тур* напротив входа [Толеубаев 2000, 167]. Параллели прослеживаются в особенностях и внутренней обстановки (например, *саке* можно рассматривать как приподнятую часть пола, что в юрте осуществлялось за счет укладывания ковров), и декоративного текстильного оформления (обилие текстильных и войлочных изделий). Некоторые повседневные привычки, например прием пищи на полу, сидение на *саке* скрестив ноги, также

указывают на сохранение отголосков кочевых традиций. Хотя в народной памяти татар не сохранился целостный образ юрты, по материалам языка и фольклора можно раскрыть следы былого существования переносного жилища⁵. Кроме того, некоторые традиции, связанные с юртой, сохранялись почти до конца XIX века в быту зажиточных татар-горожан, у которых, например, существовал обычай выезжать летом за город на длительные пикники и жить в юртах [Воробьев 1953, 158].

* * *

Среди традиционных жилищ народов Среднего Поволжья и Приуралья традиционный интерьер дома волгоуральских татар выделялся ярким этническим своеобразием. Отличительные черты татарского интерьера проявляются в нескольких его составляющих. Во внутренней планировке это выделение женской и мужской половин дома при сохранении единства пространства: использование подвижных занавесок и перегородок, не доходящих до потолка; постановка печи отступа от стен ближе к середине дома. Особенности внутренней обстановки проявляются и в занятии обширной площади жилого пространства деревянным настилом *саке*, на котором сидят скрестив ноги, как на полу, множестве сундуков, в использовании предметов мусульманского культа (шамаиль, кумган, намазлык) при построении ансамбля интерьера, в наличии множества комнатных растений. Декоративно-текстильное убранство отличается обильным и многослойным использованием тканых и вышитых изделий, войлока, возникающей при этом округленностью и смягченностью очертаний, многоцветностью, яркостью и богатой орнаментикой оформления. Для семантической структуры пространства характерно выделение почетного места *тур* у середины передней стены напротив входа, разделение между гостевой мужской и интимной женской зонами, а также круговая организация пространства, проявляющаяся в том, что гости

⁵ Например, отсутствие в татарском языке понятие стена (используется заимствованное из русского «стина»). Название некоторых элементов татарского жилища восходит к общетюркскому названию частей юрты.

или члены семьи рассаживаются на полу или *сэке* кругом или полукругом. Эти особенности обуславливаются сочетанием древних тюркских и мусульманских традиций, легших в основу народной культуры татар, с традициями народов европейской части России.

Изменения в сельском интерьере в XX веке более всего коснулись внутренней структуры и функционально-предметного оснащения, которое по большей части представлено современными деэтнизированными формами. В то же время сохраняются и некоторые традиционные, этнически специфические компоненты интерьера: самодельные и кустарного производства предметы обстановки (сундуки, буфеты, полки в виде жердей и др.); характерные элементы текстильного убранства (занавески, подзоры *кашага*, стопки постельных принадлежностей, вышивки на текстильных изделиях). В целом, наиболее устойчиво в современном сельском интерьере татарского дома сохраняются элементы, которые обладают религиозной и национальной символикой.

Литература

Байбурун 1983 — *Байбурун А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Валеев 1984 — *Валеев Ф.Х.* Народное декоративное искусство Татарстана. Казань, 1984.

Воробьев 1953 — *Воробьев Н.И.* Казанские татары. Казань, 1953.

Кильпе 1989 — *Кильпе Т.Л.* Основы архитектуры. М., 1989.

Мухамедова 1972 — *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование. М., 1972.

Мухаметшин 1977 — *Мухаметшин Ю.Г.* Татары-кряшены: Историко-этнографическое исследование материальной культуры. М., 1977.

Татары 1967 — Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н.И. Воробьев, Г.М. Хисамутдинов. М., 1967.

Толеубаев 2000 — *Толеубаев А.* Юрта в представлениях, верованиях и обрядах казахов // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000. С. 165–178.

Шитова 1984 — *Шитова С.Н.* Традиционные поселения и жилища башкир. М., 1984.

Штейнфельд 1893 — *Штейнфельд Н.П.* Малмыжские татары, их быт и современное положение // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 г. Вятка, 1893. С. 228–319.

Янбухтина 1993 — *Янбухтина А.Г.* Народные традиции в убранстве башкирского дома. Уфа, 1993.

Л.А. АСЛАНОВА
(Черкесск)

К СЕМАНТИКЕ КРУГА, КРЕСТА И ЗАВИТКА В ОРНАМЕНТЕ ЗОЛОТОГО ШИТЬЯ АДЫГОВ

Позитивным явлением в жизни современного общества стал отказ от атеистической доминанты в изучении духовной культуры, что дало возможность науке объективнее и глубже понять процессы, лежащие в основе формирования той или иной человеческой общности, в частности этноса. Динамика современного развития этнологии, а также «молодой» российской культурологии требует разносторонних подходов к пониманию этого феномена, факта развития человеческого общества, что и стало стимулом к проведению исследования сакрально-культурных основ формирования одного из самых древних видов искусства — орнамента золотого шитья адыгов. Этот вид традиционного искусства понимается нами как код культуры, с помощью которого мы получаем возможность раскрыть многие глубоко скрытые причины возникновения того или другого элемента в национальной картине мира и таким образом приблизиться к решению проблем идентификации и самоидентификации этноса.

Традиционное искусство несет в себе следы ранних стадий художественного развития. Направленность на разные сферы человеческой жизнедеятельности: идеологическую, коммуникативно-мемориальную, социальную, познавательную, магико-религиозную, эстетическую — позволяет говорить о его ярко выраженной функциональности. Однако художественное творчество народа всегда находило мотивы и образы, формировавшие стили, адекватные функциональной задаче произведения. В дальнейшем они обретали устойчивый характер, могли превращаться в символы, важные для культурной и религиозной жизни человека.

Сегодня символы, знаки культур, их толкование переосмысливаются с позиций нового времени, нового бытия